

The Stigmatisation of Family in the Biography of the Soviet Leader (on the Example of Army General A. V. Khrulev)

Elena A. Popravko

Army General A. V. Khrulev Military Academy of Logistics. Saint Petersburg, Russia
 Email: elena_popravko[at]mail.ru

Abstract

Creation of Soviet leader official biography assumed using of class patterns. This formed an exclusion zone connected with stigmatization of a family. The soviet leader – “faithful son of the party” – was a man out of nowhere, a production of social industry. However, social experience linked with the family could determine the character’s attitude to major landmarks of the epoch. But some information about the true origin didn’t disappear. It was accumulated to be used as a tool of social control within the framework of repressive policies. The stigmatization of a family as an important part of social rise during the soviet period is studied basing on the biography materials of Army General A. V. Khrulev. The official biography contained mix of real and fictional information, which were constructed following ideological patterns. The true status of Khrulev’s family was reconstructed on the basis of non-published archival materials. The status of Khrulev’s family caused problems for its members who occupied high positions in soviet hierarchy: they were accused of using hired labor (being kulaks) in 1930; of using position by some family members (Mikhail was a deputy chairman of the Murmansk Executive Committee, Andrei – a high ranking military commander). In 1938 Mikhail Khrulev was convicted under article 58 of Criminal Code of RSFSR, and that transformed the status of all relatives: they became “family members of traitor to Homeland”. In this research, the influence of these facts is studied, forming the attitude of Army General A. V. Khrulev to repressive policy of the Soviet state at 1930s – early 1950s, and, namely, to those persons who were responsible for carrying out repressive policy in practice.

Keywords

A. V. Khrulev; Family; Social Stigma; Biography; Soviet Leader; Repression; Social Control; Social Myth; Ideology; Class Pattern

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Семья как стигма в биографии советского руководителя (на примере генерала армии А. В. Хрулёва)

Поправко Елена Александровна

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва. Санкт-Петербург, Россия. Email: [elena_popravko\[at\]mail.ru](mailto:elena_popravko[at]mail.ru)

Аннотация

Выстраивание официальной биографии советского руководителя предполагало следование классовым шаблонам. Это формировало зону отчуждения, связанную со стигматизацией собственной семьи. Советский руководитель – «верный сын партии» – оказывался человеком из ниоткуда, продуктом социального производства. Это не исключало, что социальный опыт, связанный с семьёй, становился источником мотиваций для конкретного лица, определяя его отношение к ключевым событиям эпохи. Но информация о подлинных обстоятельствах происхождения не исчезала. Она накапливалась, чтобы служить инструментом социального контроля, в том числе в рамках репрессивной политики. Стигматизация собственной семьи как неотъемлемая часть подъёма по социальной лестнице для советского руководителя исследуется на материалах биографии генерала армии А. В. Хрулёва. Официальная биография содержала как реальные, так и вымышленные сведения, выстроенные по идеологически обусловленному шаблону. Реальная семья Хрулёвых, статус которой реконструируется на основе впервые вводимых в оборот архивных материалов, была источником социально-классовых проблем её членов, занимавших высокие позиции в советской иерархии: в 1930 г. их обвиняли в использовании наёмного труда (кулаки), в использовании положения отдельных членов семьи (Михаила – заместителя председателя Мурманского окружкома и Андрея – высокопоставленного военачальника). В 1938 г. Михаил Хрулёв был осуждён по ст. 58 УК РСФСР, что сразу изменило статус всех родственников – «члены семьи изменника Родины». Исследуется влияние этих обстоятельств на отношение генерала армии Хрулёва к репрессивной политике 1930-х – начала 1950-х гг., к конкретным лицам, которые отвечали за проведение репрессивной политики на практике.

Ключевые слова

А. В. Хрулёв; семья; социальная стигма; биография; советский руководитель; репрессии; социальный контроль; социальный миф; идеология; классовый шаблон

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Выстраивание официальной биографии советских руководителей предполагало следование классовым шаблонам. Это формировало зону отчуждения, связанную со стигматизацией собственной семьи. Советский руководитель – «верный сын партии» – оказывался человеком из ниоткуда, продуктом социального производства, с биографией, написанной как под копирку. Это не исключало, что социальный опыт, связанный с семьёй, становился источником мотиваций для конкретного лица, определяя его отношение к ключевым событиям эпохи. Со стороны социума информация о подлинных обстоятельствах происхождения накапливалась, чтобы служить инструментом социального контроля, в том числе в рамках репрессивной политики. «Неправильное» происхождение или наличие репрессированных членов семьи были одними из главных стигм многих руководителей советского периода.

Стигматизация собственной семьи как неотъемлемая для советского руководителя часть подъёма по социальной лестнице исследуется на материалах биографии генерала армии А. В. Хрулёва.

В основу методологии положены концепции Э. Дюркгейма о социальных нормах и патологии как феноменах, связанных с социальным контролем (Дюркгейм, 1966, с. 39–44), О. Ранка о мифе о герое как результате личной и коллективной травмы (Ранк, 1997) и теория стигматизации И. Гоффмана (Goffman, 1986).

Реальный статус семьи Хрулёвых, взаимоотношения её членов и их влияние на отношение генерала армии А. В. Хрулёва к репрессивной политике Советской власти исследуется на основе как опубликованных, так и архивных материалов, впервые вводимых в оборот исторической науки. Эти документы отложились в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Архиве Управления Федеральной службы безопасности по Мурманской области (Архив УФСБ МО), Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО).

Семья Хрулёвых: состав, экономическое положение

Официальная биография генерала А. В. Хрулёва, впервые изложенная в монографии И. С. Шияна (Шиян, 1980), содержала как реальные, так и вымышленные сведения, выстроенные по идеологически обусловленному шаблону. В свою очередь, данная монография стала шаблоном для написания последующих биографий (Карпов, 2004; Марченко, 2007; Топоров, 2017, с. 7–15; Топоров, Аверьянов, Кривошеев, Сельменев, & Носков, 2017).

Кратко суть официальной биографии была изложена И. С. Шияном уже в предисловии:

«Выходец из бедной крестьянской семьи, Андрей Васильевич прошел рабочую закалку в Петрограде, активно участвовал в Февральской и Великой Октябрьской социалистической революциях. В тяжелые годы гражданской войны

он сражался в рядах прославленной 1-й Конной армии. И в дальнейшем, куда бы ни посылала его партия, Хрулев всюду отдавал все свои силы и знания, творческую энергию, выдающиеся организаторские способности делу укрепления Советских Вооруженных Сил. Вместе с ними Хрулев рос и мужал, пройдя путь от красноармейца до генерала армии» (Шиян, 1980, стр. 3).

Выделенное курсивом в этой цитате – мифологические элементы, включенные в реальные факты и оценочные суждения. В раскрытии «мифа о герое» (если пользоваться терминологией О. Ранка) И. С. Шиян использует идеологический шаблон: отец – молотобоец-пролетарий на Путиловском заводе; многодетная семья – «двенадцать душ»; бедная жизнь; раннее начало трудовой жизни: с 11 лет – подмастерье в ювелирной мастерской, потом слесарь на Охтенском заводе взрывчатых веществ; детство и юность «в каторжном труде от зари до зари»; раннее вступление в политическую борьбу – с 13 лет, что привело к административной ссылке на 2 года «в Эстонию». Единственный необъяснимый факт в этом изложении – позднее вступление А. В. Хрулёва в партию: «В марте 1918 года» (Шиян, 1980, с. 5–6).

Созданный И. С. Шияном миф повторил (вплоть до заимствования некоторых описаний: «в каторжном труде от зари до зари») А. Д. Марченко (Марченко, 2007, с. 11, 13, 14–15, 17, 18). Остальные биографы мало уделяли внимания раннему этапу, рисуя его буквально в несколько предложений, но не забывали упомянуть главные элементы идеологического шаблона – бедность семьи, пролетарские занятия отца и самого А. В. Хрулёва, раннее вступление в политическую борьбу, участие в революции и в Гражданской войне (Топоров, 2017, с. 7–8; Топоров, Аверьянов, Кривошеев, Сельменев, & Носков, 2017, с. 4–6).

В официальном варианте биографии все старались не замечать противоречий. Рассмотрим некоторые из них и на основе документов восстановим реальный социальный облик семьи Хрулёвых.

Противоречие первое: как может быть бедной семья, в которой семь душ мужского пола, с рождения имеющих право на земельный надел? Мужская часть семьи включала главу семьи Василия Васильевича Хрулёва и шестерых сыновей: Василия, Кузьму, Павла, Симеона (Семёна), Михаила и Андрея.

Каким был размер семейного надела до революции, нам установить не удалось. Но согласно протоколу семейного раздела от 18 октября 1918 г. Павел Хрулёв получил 10 дес. земли (включая усадьбу). Остальные члены семьи (в их число входили проживавшие в Петрограде Михаил – начальник финансового отдела Пороховского районного исполкома и Андрей – комендант Революционной охраны Пороховского района) продолжали использовать семейный надел вместе, но оговаривалось право выделиться: «... получить землю одним углом, при условии разработки такого же количества земли, какое окажется разработанным на участке после семейного раздела» (ЦГАИПД СПб. Д. 512596. Л. 61–61 об.).

Чтобы понять, много это или мало – 70 десятин (60 – после выделения Павла), обратимся к данным статистики. Н. А. Рожков отмечал: «В крестьянских наделных землях средний надел на душу между 1860 и 1880 годами уменьшился с 4,8 дес. до 3,5 дес.» (Рожков, 1925, с. 45). Для процветания крестьянского хозяйства имело значение не только среднедушевое, но и общедворовое землевладение. В. А. Костин приводил следующие данные по Петербургской губернии: «23,7% дворов имели только по 5 дес. ... Надельное землеобеспечение от 5 до 10 дес. охватывало 52,6% дворов ... Если принимать во внимание, что В. И. Ленин считал самостоятельным земельным крестьянским хозяйством, сводящим концы с концами, только хозяйство, обладающее не менее 15 дес.» (Костин, 1992, с. 7). Это позволяет нам сделать вывод, что даже если только после революции подушевые наделы Хрулёвых выросли до 10 дес., а общедворовое землевладение увеличилось до 70 дес. (60 – после выделения Павла) – это была семья с большим наделом, позволявшим вести товарное хозяйство.

Противоречие второе: как может быть бедной семья, где мужчины имеют круглогодичный приработок? Отец был кузнецом, в молодости в «отход» работал по специальности на Путиловском заводе, а вернувшись в деревню и сам имел дополнительный круглогодичный приработок, и учил мастерству сыновей.

М. В. Хрулёв неоднократно в анкетах и автобиографиях 1920-х–1930-х гг. отмечал владение профессией кузнеца (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 558848/1. Л. 7; Д. 558848/2. Л. 30).

Также в допросе 1937 г. он указал, что «брат Семён Васильевич Хрулёв ... работает в колхозе кузнецом» (Архив УФСБ МО. Ф. 140. Оп. 3. Д. 1049/2. Л. 46 об.).

Наличие кузницы в хозяйстве семьи зафиксировано протоколом раздела отцовского хозяйства и выделения сыновей от 18 октября 1918 г. Кузьма Васильев (старший брат А. В. Хрулёва, никогда не покидал деревню Большая Александровка, в которой родился, и в документах его фамилия, в отличие от отца и братьев, производилась от отчества) владел кузницей даже тогда, когда в стране началась коллективизация, что зафиксировано в документах 1929–1930 гг. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596. Л. 71, 73, 74, 83)?

Кроме того, в документах 1929–1930 гг. отмечалось наличие у семьи других источников дохода: «... до революции ХРУЛЁВЫ имели 5 коров, 2 лошади ... До революции ХРУЛЁВЫ, кроме сельского хозяйства занимались выделкой корпусов для карапашек, ванкуров и дровней для саней, без наёмного труда» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596. Л. 83).

Российскую империю характеризовали низкие показатели грамотности: для Санкт-Петербургской губернии доля неграмотных исчислялась в 40,89 % (Рубакин, 1893, с. 548). Это сдерживало социальную мобильность – неграмотному сложно было претендовать на подъем по социальной лестнице. Хрулёвы

все были грамотны и стремились к получению не только образования, но и профессий, предполагавших социальный рост. Их отличали лидерские качества, которые проявлялись как на местном уровне – в наличии авторитета у соседей, так и амбиции, связанные с желанием изменить свою судьбу. Реалии сословной Российской империи порождали недовольство имеющимися социальными препятствиями для личного роста, что приводило к формированию революционных и антиправительственных настроений у членов семьи.

Павел Васильевич (1886 г. р.) служил в императорской армии «старшим писарем» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 497350. Л. 1).

Михаил Васильевич (1887 г. р.), будучи призван на действительную службу в 1910 г., служил «в должности полкового писаря», получил предложение остаться «на должности делопроизводителя», но не согласился, т. к. «не переносил того солдатского режима, который применялся к "серой скотинке"». «По приезду из Сибири /место службы/ ... решил больше в деревню не возвращаться и в январе м-це 1913 г. поступил в качестве конторщика в Строительную Комиссию, именуемую "Особая Комиссия по постройке Морского и Главного Артиллерийского полигонов", где прослужил в должностях конторщика-писца, счетовода и бухгалтера до октября 1918 г.» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 558848/2. Л. 30).

Аналогичный вариант жизненного пути (за исключением службы в императорской армии) в дореволюционный период характеризует Андрея (1892 г. р.): в 11 лет его отправили работать в частную мастерскую («золотых дел мастера»), в 1915 г. он устроился работать на Охтенский завод взрывчатых веществ (возможно, что этому способствовал старший брат – Михаил, который уже работал в комиссии, находившийся, как и завод, в ведении Главного артиллерийского управления). В официальной биографии, в угоду идеологии советского времени, он утверждал, что трудился слесарем, что позволяло определять статус в графе происхождения как «рабочий» (а что могло быть лучше в системе социальных ценностей советского периода?), а не «служащий». Но документы свидетельствуют, что на самом деле Андрей Васильевич трудился конторщиком (или счетоводом) (см.: Поправко, 2017, с. 194), чему соответствовало и образование: «Окончил экстерном 4-х классное городское училище», а затем «9-ти месячные бухгалтерские курсы» (ЦАМО. Личное дело 003208. Л. 1 об.).

Революция дала Хрулёвым возможности подъёма по социальной лестнице. Павел стал членом Редкинского волостного ревкома (1919 г.), заведовал волостным земельным отделом и был членом Редкинского волостного исполкома (1920-е гг.), в 1930-е гг. возглавил колхоз (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 497350. Л. 1; Балес, 1970, с. 6; Балес, 2017, с. 14).

Михаил, начав советскую карьеру с должности начальника финансового отдела исполкома Пороховского района Петрограда, к 1938 г. занимал пост

заместителя председателя Мурманского окружного исполнительного комитета.

Андрей в июле 1918 – октябре 1919 гг. стал комендантом Революционной охраны (при преобразовании этого органа власти – начальником милиции) Пороховского района Петрограда, заместителем председателя Пороховского районного исполкома. Будучи призван в РККА в октябре 1919 г., сумел сделать карьеру, в 1919–1930 гг. служил на военно-политических должностях, а с 1930 г. занимал должности административно-хозяйственной службы, став генералом армии и заместителем Наркома обороны – начальником Тыла РККА, а после увольнения в запас – заместителем министра автомобильных и шоссейных дорог СССР, а потом заместителем министра промышленных строительных материалов СССР.

Женская часть семьи также отличалась социальным ростом в советский период. Например, сестра Евдокия работала инструктором Роменского комитета ВКП (б) в Черниговской области УССР (сейчас – г. Ромны Сумской области Украины), была замужем за начальником районного отделения НКВД (Архив УБСФ МО. Ф. 140. Оп. 3. Д. 1049/2. Л. 46 об.).

Таким образом, анализ документов разных лет показывает, что Хрулёвы были крепкими середняками, вели хозяйство, в котором кроме доходов от сельского труда (пашни, покоса) были и другие постоянные источники средств, что и формировало устойчивость хозяйства, и позволяло членам семьи постепенно богатеть. Революция дала возможность увеличить землевладение до 10 дес. на душу, а то, что двое из сыновей (Михаил и Андрей) не проживали вместе с семьёй, даже после выделения Павла из отцовского хозяйства, привело к наличию большого семейного надела. Хрулёвы были дружны (даже проживавшие отдельно поддерживали связи с семьёй), что также повышало устойчивость хозяйства. Ряд членов семьи отличали лидерские качества, высокая амбициозность, стремление к подъёму по социальной лестнице, что подтверждается тем, что после революции они занимали руководящие должности разного уровня. Но реальный облик семьи в системе ценностей советской общества оказался «патологическим» и стал источником проблем для высокопоставленных членов.

Семья Хрулёвых в годы «Большого скачка» и «Большого террора»

Экономическое благополучие стало главным фактором стигматизации семьи для тех из Хрулёвых, кто успешно вписался в новые социальные условия, созданные революцией. Крепкое хозяйство, чем до революции можно было гордиться, теперь стало проблемой – грань между середняком и кулаком была довольно тонкой, стремление к экономическому процветанию (почву для которого дала нэповская политика) демонстрировать было опасно. С началом

в 1928 г. коллективизации появился еще один повод для стигматизации: вступили ли члены семьи в колхоз или нет? В случае неучастия в колхозном строительстве даже бедняка могли обозначить как «подкулачника», что становилось поводом для применения репрессий – административных выселений, поражения в правах и т. д.

Для сделавших карьеру в системе партийных и государственных должностей Хрулёвых семья в этот период становится источником проблем. В том числе и потому, что проживавшие в деревне не торопились вступать в колхоз. Дольше всех единоличником числился самый старший из братьев – Хрулёв Василий Васильевич (полный тёзка отца). На допросе в 1937 г. это указал в сведениях о членах семьи Михаил Васильевич Хрулёв (Архив УБСФ МО. Ф. 140. Оп. 3. Д. 1049/2. Л. 46).

Остальные Хрулёвы-селяне к тому времени уже вступили в колхоз. Возможно, поводом для этого шага послужила ситуация 1930 г.

В 1930 г. разгорелась настоящая «вендетта» с семьей Жаворонковых. Житель деревни Большая Александровка Молосковицкого района Василий Иванович Жаворонков обвинил семью Хрулёвых в использовании труда батраков. Согласно заявлению, отец В. В. Хрулёв и старший брат К. В. Васильев использовали в 1928 г. наёмный труд на сенокосе, на заготовке дров, а Кузьма Васильевич – ещё и в кузнице (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596. Л. 95). В ходе проверок и следствия решался вопрос о возбуждении уголовных дел по ст. 58 УК РСФСР.

Сын Жаворонкова Иван Васильевич занимал пост главы Молосковицкого районного исполкома и использовал служебное положение в интересах семьи. Сельская «война» велась и через средства массовой информации. Публикация в газете «Крестьянская правда» от 8 февраля 1930 г. с говорящим названием «Как Ленинградский ОкрФО [Окружное финансовое управление – Е. А. П.] защищает кулаков» обвинила М. В. Хрулёва (который в тот период возглавлял Ленинградский ОкрФО) в том, что он, пользуясь служебным и партийным положением, покрывает отца и братьев, помогает им уклоняться от налогов (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596. Л. 119).

Были инициированы прокурорская проверка (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596. Л. 117) и партийное расследование (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 558848/2. Л. 14). Проверка установила, что автором статьи в «Крестьянской правде» был И. В. Жаворонков, скрывавшийся под псевдонимом «Разузнавший» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596. Л. 113).

В заявлении М. В. Хрулева в Контрольную Комиссию Ленинградского Окружкома ВКП (б) от 17 апреля 1930 г., отмечалось, что Хрулёвых обвиняли в использовании «административного ресурса» всех уровней, в том числе упоминался и занимающий самое высокое положение член семьи – «брат Андрей» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596. Л. 160–164).

Отметим, что по данным местного земельного учета, Андрею Васильевичу Хрулёву по-прежнему (с 1918 г.) принадлежал земельный надел в хозяйстве его отца. Как заместитель начальника военно-политического управления Московского военного округа (на тот момент А. В. Хрулёв занимал именно эту должность) объяснил бы тот факт, что его родственники не участвуют в колхозном строительстве, да еще используют наёмный труд? Как смог бы доказать, что он не получает доходов от хозяйства отца? А если бы факты подтвердились, то получалось бы, что А. В. Хрулёв – кулак?

В 1930 г. семья Хрулёвых сумела оправдаться, в том числе благодаря тому, что в этом конфликте большинство односельчан приняло их сторону. В «Заключении по материалу проверки о злоупотреблениях Председателя Молосковицкого РИК'а Жаворонкова И. В.», датированном маем 1930 г., Хрулёвых признали середняками, для которых неправильно пытались применить обложение налогами как для кулаков (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596. Л. 112–116). Партийные же органы вынесли соломоново решение: «За нетактичное поведение, что создало склочную обстановку, тов. ХРУЛЁВУ [М. В. – Е. А. П.] и ЖАВОРОНКОВУ поставить на вид» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596. Л. 14).

Видимо, эта история заставила большинство Хрулёвых, проживавших в Большой Александровке, изменить свое отношение к коллективизации и вступить в колхоз. Из «горожан» серьезные проблемы возникли только у Михаила.

В 1937 г. семья снова стала источником проблем. 17 октября 1937 г. Михаил Васильевич Хрулёв был арестован органами НКВД, 29 октября 1937 г. его исключили из партии, а 29 сентября 1939 г. был вынесен приговор по ст. 58, п. 7 и 11 УК РСФСР – 5 лет исправительно-трудовых лагерей (Архив УФСБ по Мурманской области. Ф. 140. Оп. 3. Д. 1049/2. Л. 1, 9).

Это сразу же изменило статус всех Хрулёвых – «члены семьи изменника Родины», ЧСИРы. После ареста брата и ещё до вынесения тому приговора Андрей Васильевич получил своё единственное партийное взыскание: «строгий выговор с предупреждением за потерю политической бдительности, непринятие достаточных мер к ликвидации вредительства в строительном деле, за связь с врагами народа, за использование служебного положения в личных интересах, за неискренность перед парткомиссией» (ЦАМО. Личное дело 003208. Л. 9).

Судя по материалам личного дела А. В. Хрулёва, хранящегося в ЦАМО, взыскание сняли после реабилитации Михаила в октябре 1955 г. (Архив УФСБ по Мурманской области. Ф. 140. Оп. 3. Д. 1049/2. Л. 286; Книга памяти Мурманской области), т. к. в послужном списке 1962 г. в графе «имеет ли партийные (комсомольские) взыскания, за что, когда и кем наложены» проставлено «нет», хотя на последующих (более ранних) листах данные о взыскании в наличии (ЦАМО. Личное дело 003208. Л. 6).

Органы НКВД проявили существенный интерес к «брату Андрею»: из всех родственников М. В. Хрулёва (в том числе и со стороны супруги) именно начальнику строительно-квартирного управления РККА (занимал эту должность с августа 1936 по май 1938 г.) уделяли повышенное внимание (Архив УФСБ по Мурманской области. Ф. 140. Оп. 3. Д. 1049/2. Л. 46–46 об., 83–85).

В докладе И. В. Сталину от 31 марта 1938 г. со сводкой важнейших показаний арестованных по Главному управлению Госбезопасности НКВД СССР прямо указывалось на контрреволюционность А. В. Хрулёва и была сделана отметка «не арестован» (Хаустов, 2011, с. 213). О том, что Андрея Васильевича в ходе следствия называли контрреволюционером, свидетельствует и письмо в «Правду» О. Е. Хрулёвой – жены Михаила (Архив УФСБ по Мурманской области. Ф. 140. Оп. 3. Д. 1049/2. Л. 268–268 об.), которая пыталась бороться за оправдание мужа.

Судя по письму О. Е. Хрулёвой и полученному А. В. Хрулёвым взысканию, он пытался заступиться за брата, но потом самоустранился. Позиция самоустранения в личных ситуациях в конце 1930-х – 1940-е гг. стала отработанным алгоритмом. Так, в 1944 г. Исаак – брат Э. С. Горелик (жены А. В. Хрулёва) был освобождён из плена (куда попал в 1941 г.) и отправлен в фильтрационный лагерь НКВД. Узнав о попытках жены помочь брату, Андрей Васильевич «высказал недовольство ... и заявил, чтобы я не вмешивалась в дела брата, тем более что обстоятельства пленения и пребывания его в плену у финнов неизвестны» (Хаустов, Наумов & Плотникова, 2007, с. 157).

Последний по времени удар своему «верному сыну» советская система нанесла в 1948 г., когда была арестована жена – Эсфирь Самсоновна Горелик. Аналогичную стигму имели многие представители советской элиты – В. М. Молотов, М. И. Калинин и др. К «генералу, без которого не было бы Победы», Советская власть проявила снисхождение: Андрею Васильевичу не пришлось отречься от жены, голосовать за её исключение из партии, он не был с нею разведён, а их дети не прошли процедуру отречения от матери – «врага народа». Но в ходе следствия была предпринята очередная попытка получить данные о контрреволюционной деятельности А. В. Хрулёва или хотя бы о типичных для интенданта «грехах» – воровстве, коррупции (Хаустов, Наумов & Плотникова, 2007, с. 156–161).

В этих условиях Андрей Васильевич Хрулёв существенно сокращает контакты с семьёй, а также начинает в анкетных данных подчеркивать социально-приемлемые («нормальные») аспекты своей биографии: пролетарский этап в жизни отца, многодетность и бедность отцовской семьи, свою работу на заводе («заменив» реальную должность счетовода на социально более приемлемую «слесарь»), раннее вступление в революционный процесс (в 13 лет, а в 20 лет – уже административную ссылку) и именно на стороне большевиков, хотя и без формального членства в партии до марта 1918 г. Соединяясь с реальными данными – службой в I-й Конной армии и участием

в Гражданской войне, это создавало образ «верного сына партии и трудового народа», которому Советская власть дала всё. О том, что власть при этом отняла, говорить было не принято.

Выводы

Стигматизация семьи и реальных фактов собственной биографии были неотъемлемой частью социального роста и карьеры советского государственного или партийного деятеля, в том числе военной элиты. Примером такого рода стигматизации служит биография генерала армии Андрея Васильевича Хрулёва. Первоначально в анкетах и автобиографиях он называл семью отца середняцкой, но постепенно в угоду официальной идеологии в анкетах стал именовать ее бедняцкой. На первое место стал выдвигаться пролетарский опыт отца (работа на Путиловском заводе в Петербурге (Ленинграде) – «колыбели революции»). Миф дополнили данные о собственной работе на Охтенском заводе взрывчатых веществ (правда) в должности слесаря (ложь), что соответствовало представлениям о наличии только двух классовых вариантов: или эксплуататор, или трудящийся.

Но болезненное восприятие стигматизации семьи и реального себя проявляется в резко-отрицательном отношении генерала армии А. В. Хрулёва к репрессивной политике и к лицам, ее возглавлявшим и проводившим: Л. П. Берии, В. С. Аббакумову и особенно к Л. З. Мехлису – начальнику ГлавПУРа РККА (Хрулёв, 2017, с. 94–96, 115, 128–130); в убеждении, что «Большой террор» не был оправдан и нанёс стране (в том числе и её обороноспособности) огромный вред; в активном участии с 1949 г. в реабилитации военных кадров (об этом аспекте деятельности А. В. Хрулёва см.: Поправко, 2018, с. 150–154). Это становится своеобразным покаянием и расплатой за самоустрашение, молчание в сложных для семьи ситуациях, болезненной отметкой, нанесённой стигматизацией семьи и себя самого.

Результатом стигматизации семьи стало также формирование официальной биографии идеального героя революции, полностью соответствующей идеологическому шаблону советского периода: бедняк-пролетарий – участник революции – доброволец Красной армии – участник Гражданской войны и герой легендарной I-й Конной армии – советский военачальник, участник Великой Отечественной войны – верный соратник И. В. Сталина. Этот миф заменил подлинную биографию с её сложностями и проблемами, сформировав типичную для советского человека зону отчуждения от собственного прошлого, преодоление которой оказалось для А. В. Хрулёва невозможным даже в период «оттепели».

Список литературы

- Goffman, E. (1986). *Stigma: Notes of the Management of Spoiled Identity*. Simon & Schuster Publ.
- Архив Управления Федеральной службы безопасности по Мурманской области [Архив УФСБ МО]. (б. д.). Ф. 140. Оп. 3. Д. 1049/2.
- Балес, А. Е. (1970). Герои-редкицы. *Сельская новь*, 3(749), 6.
- Балес, А. Е. (2017). *Земляки*. Волосово: Волосовская городская центральная библиотека. <https://ru.calameo.com/read/004087559016e8c6f48de>
- Дюркгейм, Э. (1966). Норма и патология. В *Социология преступности: (Современные буржуазные теории): Сборник статей* (с. 39–44). Прогресс.
- Карпов, В. В. (2004). *Генерал армии Хрулёв. Всё для Победы. Великий интендант*. Вече.
- Книга памяти Мурманской области: Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской области*. (б. д.). <http://visz.nlr.ru/person/book/murm/23/150>
- Костин, В. А. (1992). *Аграрно-крестьянский вопрос в Петербургской губернии в конце XIX – начале XX вв., 1881–1905 гг.* [Автореф. диссертации кандидата исторических наук: 07.00.02].
- Марченко, А. Д. (2007). *Накопуть Хрулёв*. Вече.
- Поправко, Е. А. (2017). Ранний этап биографии А. В. Хрулёва по материалам ЦГА СПб и ЦГИА СПб. В Ю. А. Никитин & Е. А. Поправко (Ред.), *Выдающийся организатор материально-технического (тылового) обеспечения (к 125-летию со дня рождения генерала армии А. В. Хрулёва): Материалы межведомственной научно-практической конференции, 22 сентября 2017 года, Санкт-Петербург* (с. 190–195). ВАМТО.
- Поправко, Е. А. (2018). Деятельность А. В. Хрулёва по реабилитации военных руководителей, репрессированных в период «Большого террора». *Клио*, 1, 150–154.
- Ранк, О. (1997). *Миф о рождении героя*. Рефл-бук.
- Рожков, Н. А. (1925). *Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики: Т. Т. II. Производственный капитализм и революционное движение в России второй половины XIX и начала XX века*. Издательское Товарищество «Книга».
- Рубакин, Н. А. (1893). Грамотность. В И. Е. Андреевский (Ред.), *Энциклопедический словарь: Т. 9 а. Гравилат–Давенант* (с. 537–549). Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон.
- Топоров, А. В. (2017). Нарком Хрулёв. В Ю. А. Никитин & Е. А. Поправко (Ред.), *Выдающийся организатор материально-технического (тылового) обеспечения (к 125-летию со дня рождения генерала армии А. В. Хрулёва): Материалы межведомственной научно-практической конференции, 22 сентября 2017 года, Санкт-Петербург* (с. 7–15). ВАМТО.
- Топоров, А. В., Аверьянов, Д. А., Кривошеев, В. Р., Сельменев, В. Н., & Носков, Г. Е. (2017). *Нарком Хрулёв Андрей Васильевич*. ООО «Р-КОПИ».
- Хаустов, В. Н. (2011). *Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938*. Архив Сталина: Документы и комментарии. МФД.
- Хаустов, В. Н., Наумов, В. П., & Плотникова, Н. С. (2007). *Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти*. МФД: Материк.

- Хрулёв, А. В. (2017). *Записки интенданта. Неопубликованная рукопись*. ООО «Ректайм-Т».
- ЦГАИПД СПб. (б. д.-а). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 512596.
- ЦГАИПД СПб. (б. д.-б). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 558848/1.
- ЦГАИПД СПб. (б. д.-с). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 558848/2.
- Центральный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга [ЦГАИПД СПб]. (б. д.). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 497350.
- Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации [ЦАМО]. (б. д.). Личное дело 003208.
- Шиян, И. С. (1980). *Генерал армии Хрулёв*. Воениздат.

References

- Archive of the Murmansk Oblast Administration of the Federal Security Service [Archive of the Murmansk Oblast Federal Security Service]. (n. d.). F. 140. In. 3. C. 1049/2. (In Russian).
- Bales, A. E. (1970). *Heroes-Redskins. Selskaya Nov*, 3(749), 6. (In Russian).
- Bales, A. E. (2017). *Countrymen*. Volosovo: Volosovo City Central Library. <https://ru.calameo.com/read/004087559016e8c6f48de> (In Russian).
- Central Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (n. d.-a). F. 1728. In. 1. C. 512596. (In Russian).
- Central Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (n. d.-c). F. 1728. In. 1. C. 558848/2. (In Russian).
- Central Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg. (n. d.). F. 1728. In. 1. C. 497350. (In Russian).
- Central Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (n. d.-b). F. 1728. In. 1. C. 558848/1. (In Russian).
- Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. (n. d.). *Personal File 003208*. (In Russian).
- Durkheim, E. (1966). Norm and Pathology. In *The Sociology of Crime: (Contemporary Bourgeois Theories): A Collection of Articles* (pp. 39–44). Progress. (In Russian).
- Goffman, E. (1986). *Stigma: Notes of the Management of Spoiled Identify*. Simon & Schuster Publ.
- Haustov, V. N. (2011). *Lubyanka. The Soviet elite on Stalin's golgotha. 1937-1938. Stalin's Archive: Documents and Comments*. MFD. (In Russian).
- Haustov, V. N., Naumov, V. P., & Plotnikova, N. S. (2007). *Lubyanka. Stalin and the USSR MGB. March 1946 – March 1953: Documents from the highest organs of the party and state power*. MFD. (In Russian).
- Karpov, V. V. (2004). *Army General Khrulev. Everything for the Victory. The Great Intendant*. Veche. (In Russian).
- Khrulev, A. V. (2017). *Notes of the Intendant. Unpublished manuscript*. LLC Rektime-T. (In Russian).

- Kostin, V. A. (1992). *The Agrarian and Peasant Question in St. Petersburg Province in the Late 19th and Early 20th Centuries, 1881-1905*. [PhD Thesis]. (In Russian).
- Marchenko, A. D. (2007). *Nakomput Khrulev. Veche*. (In Russian).
- Murmansk Oblast Memory Book: List of Repressed Residents of the Kola Peninsula and Foreigners Residing in the Murmansk Oblast. (n. d.). <http://visz.nlr.ru/person/book/murm/23/150> (In Russian).
- Popravko, E. A. (2017). Early stage of A. Khrulev's biography. Khrulev's early biography according to the materials of the Central State Archive of St. Petersburg and the Central State Historical Archive of St. Petersburg. In Yu. A. Nikitin & E. A. Popravko (Eds.), *Outstanding organizer of material and technical (logistics) support (to the 125th anniversary of Army General A.V. Khrulev): Materials of the interdepartmental scientific and practical conference, September 22, 2017, St. Petersburg* (pp. 190–195). VAMTO. (In Russian).
- Popravko, E. A. (2018). A.V. Khrulev's Activities to Rehabilitate Military Leaders Repressed during the “Big Terror”. *Clio*, 1, 150–154. (In Russian).
- Rank, O. (1997). *The Myth of the Birth of a Hero*. Refl-book. (In Russian).
- Rozhkov, N. A. (1925). *Russian History in Comparative-Historical Light (Fundamentals of Social Dynamics: Vol. 11. Industrial Capitalism and Revolutionary Movement in Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries)*. Publishing Association “The Book”. (In Russian).
- Rubakin, N. A. (1893). Literacy. In I. E. Andreevsky (Ed.), *Encyclopedic Dictionary: Vol. 9 a. Gravitat-Davenant* (pp. 537–549). F. A. Brokgauz, I. A. Efron. (In Russian).
- Shiyan, I. S. (1980). *Army General Khrulev*. Voenizdat. (In Russian).
- Toporov, A. V. (2017). People's Commissar Khrulev. In Yu. A. Nikitin & E. A. Popravko (Eds.), *Outstanding organizer of material and technical (logistics) support (to the 125th anniversary of Army General A.V. Khrulev): Materials of the interdepartmental scientific and practical conference, September 22, 2017, St. Petersburg* (pp. 7–15). VAMTO. (In Russian).
- Toporov, A. V., Averyanov, D. A., Krivosheev, V. R., Selmenev, V. N., & Noskov, G. E. (2017). *People's Commissar Khrulev Andrei Vasilievich*. LLC R_KOPI. (In Russian).